

Терехов Владимир Фёдорович*, кандидат технических наук, ведущий научный сотрудник отдела оборонной политики РИСИ.

Вторая мировая война на Востоке¹

Вторая мировая война продолжает оставаться темой серьёзных научных исследований. При этом специалисты из стран, стоявших в то время по разные стороны "линии огня" или входивших в союзнические коалиции, по-разному толкуют одни и те же события и документы. Даже введение в оборот материалов, ранее недоступных исследователям, мало способствует сглаживанию этих разногласий. Всё это – последствия жёсткой идеологической борьбы, сопровождавшей не только "горячую" Вторую мировую войну, но и последовавшую практически сразу после её окончания войну "холодную".

Цель непрекращающегося процесса осмысления катастрофического феномена, каким является Вторая мировая, – извлечь из тех событий практически значимые уроки. В этом плане важным явлением стала публикация книги "Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке", представленной общественности президентом Фонда исторической перспективы Н. А. Нарочницкой 30 августа 2010 г. Особая значимость издания определяется тем, что, как показано в книге, зарождение и завершение этой войны произошло на Дальнем Востоке.

Среди авторов книги – известные российские учёные, академики В. С. Мясников и С. Л. Тихвинский; доктора исторических наук В. В. Грайворонский, В. П. Зимонин, А. А. Кошкин и Н. А. Нарочницкая; доктор юридических наук В. П. Галицкий; кандидаты исторических наук В. Н. Павлятенко и В. П. Сафронов, а также зарубежные специалисты – профессора Луань Цзиньхэ и Сюй Чжиминь (КНР), Хидесукэ Кимура и Такэси Томита (Япония), Марк Парилло (США).

Участие зарубежных авторов в подобного рода отечественных работах – явление довольно редкое, и можно не сомневаться, что именно их статьи привлекут внимание читателя в первую очередь. Прочитав же всю книгу, он обнаружит, что тексты иностранных и российских историков скорее дополняют, чем противоречат друг другу. Хотя, конечно, у зарубежных авторов есть тезисы, которые могут выглядеть не вполне привычными для нашего читателя. В целом статьи всех участников данного издания помогают очистить картину недавнего прошлого от многолетних идеологически мотивированных наслоений.

Авторы нашли очень удачное слово – "партитура" – для обозначения той "совокупной линии поведения" предвоенных политических

* terekhovvl@rambler.ru.

¹ Рецензия на книгу: Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке. М. : Вече, 2010. 460 с. (серия "Актуальная история"). Подготовлена Фондом исторической перспективы во взаимодействии с Комиссией при Президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

"актёров", которая привела к крупнейшей в истории человечества и вполне рукотворной трагедии. В затеянном тогда политическом спектакле В. С. Мясников, например, видит "...пролог, трагедию во многих действиях и эпилог" (с. 75). При этом "пролог" хорошо описывается приведённой китайскими авторами национальной поговоркой: "Во время переправы через море восемь небожителей показывают каждый свои чудеса и волшебство" (с. 131). Добавим, что в то время, о котором мы говорим, реальные "небожители" продолжали заниматься "политической магией" и в ходе начавшегося крупномасштабного кровопролития.

Ключевая проблема – необходимость переосмысления десятилетиями навязывавшейся "...евроцентрической историографией... традиционной периодизации Второй мировой войны" – сформулирована уже в предисловии, написанном Н. А. Нарочницкой (с. 3). И эта проблема не только академическая, ибо принятие тем или иным автором конкретной хронологии основных событий, имеющих непосредственное отношение ко Второй мировой войне, существенным образом определяет и ответы на многие болезненные вопросы: кто и в какой степени виновен в её развязывании; кто несёт ответственность за эскалацию военных действий и, в частности, за страдания мирного населения; какие из указанных событий следует отнести к основным; кто из членов противостоявшей агрессору коалиции внёс наибольший вклад в окончательную победу.

По мнению китайских авторов, "...подлинной датой начала Второй мировой войны следует считать не 1 сентября 1939 г., а 7 июля 1937 г. – день, когда Япония развязала полномасштабную войну против Китая" (с. 130). Однако, как полагает Т. Томита, начавшаяся война "окончательно приобрела характер мировой в декабре 1941 г., когда японские вооружённые силы нанесли удар по Пёрл-Харбору на Гавайях и высадились на Малайском полуострове" (с. 237).

Но как в таком случае характеризовать так называемый "маньчжурский инцидент" 1931 г., представлявший собой провокацию, организованную офицерами Квантунской армии, с целью оккупации Маньчжурии? Как исключительно локальный конфликт, не имевший последствий, или как локальный, но ставший одной из важных причин мировой войны? В. С. Мясников настаивает, что именно после этого инцидента "...в Азиатско-Тихоокеанском регионе появился потенциальный очаг Второй мировой войны" (с. 80).

Два других события, в районе озера Хасан в 1938 г. и на реке Халхин-Гол в 1939 г., тоже внесли существенную лепту в обострение военно-политической обстановки в АТР и в мире в целом. Взглядам современных монгольских историков на участие их страны в боевых действиях на Халхин-Голе и в Маньчжурской операции Красной армии 1945 г. посвящена статья В. П. Грайворонского.

Авторы убедительно показывают, что Вторая мировая война началась гораздо раньше 1 сентября 1939 г. На этом фоне сразу же "зависают" все шумные спекуляции последних лет по поводу "пакта Молотова – Риббентропа" как основной причины Второй мировой. Упомянутый договор – не более чем эпизод в цепи событий (начавшихся задолго до его подписания), логику развития которых диктовал отнюдь не СССР. Хотя

именно СССР нанёс заключительный удар в войне на Дальнем Востоке, решающее значение которого для её завершения (давно установленное советской историографией) сегодня признают и зарубежные эксперты.

Т. Томита далеко не единственный среди японских историков, которые утверждают, что вступление СССР в войну на Дальнем Востоке "... стало переломным моментом, определившим природу поражения Японии во Второй мировой войне" (с. 192). Представлявший в обсуждаемой книге американскую историческую науку М. Парилло также высказал вполне адекватные (и пока редкие для американских историков) оценки роли СССР на заключительном этапе принуждения Японии к капитуляции. Собственно подготовке и проведению операции Красной армии в Маньчжурии посвящена статья В. П. Зимонина.

В связи с принятым руководством СССР решением об участии в войне на Дальнем Востоке нередко предметом спекуляций становятся две темы: "нарушение" Советским Союзом пакта о нейтралитете, заключённого с Японией 13 апреля 1941 г. сроком на 5 лет, и судьба японских военнопленных, оказавшихся в советском плену. Первая всесторонне рассматривается в статьях С. Л. Тихвинского и А. А. Кошкина. Что же касается негатива, до сих пор сохраняющегося в отношениях между Россией и Японией и связанного с некоторыми обстоятельствами пребывания на территории СССР японских военнопленных, то он, как показано в статье В. П. Галицкого, является скорее результатом самоустранения руководства Японии от обсуждения этой проблемы, которая целиком отдана на откуп общественным организациям.

Читатель несомненно обратит внимание на критику японскими авторами Токийского и Нюрнбергского процессов. Они не согласны с базовым тезисом обоих процессов "...о последовательном и неуклонном осуществлении планов войны германским и японским руководством" (с. 239), хотя и не отрицают того, что отрицать невозможно, – агрессивного характера японской политики в отношении Китая и "Великой Восточной Азии" в целом. Отмечается также, что в 30-е гг. всё-таки существовали альтернативные сценарии развития событий, следование которым могло предотвратить полномасштабный конфликт в АТР. Причём не воспользовалась ими прежде всего сама Япония.

Японские эксперты считают также, что на Токийском процессе необъективно рассматривался вопрос об ответственности за принятие преступных решений. В связи с этим они обращаются к истории маньчжурского и китайского "инцидентов"². По поводу последнего Х. Кимура пишет: "Даже если эти события произошли по инициативе местных командиров, действия японской армии были одобрены премьер-министром и императором" (с. 311). По его словам, прямые виновники этих "инцидентов", предварительно уничтожив компрометирующие их документы, "...стали сотрудничать с Токийским трибуналом. Отвергая инициативу императора в вопросах ведения войны, они делали всё, чтобы возложить всю полноту ответственности на военных, в первую очередь на командование сухопутных

² Под вторым эвфемизмом подразумевается полномасштабная война с Китаем, начавшаяся в июле 1937 г. с явно спровоцированного столкновения между японскими и китайскими воинскими подразделениями в предместье Пекина.

сил, а сами стремились в качестве "умеренных" оказаться у власти в послевоенной Японии" (с. 324). В годы "холодной войны" эти политики стали важной опорой США в Азии. Впрочем, у другого японского автора, Т. Томита, читатель обнаружит некоторые отличия от вышеприведённой точки зрения на роль императора в принятии решений в период вплоть до капитуляции страны.

На заключительном этапе войны США сочли целесообразным отказаться от одного из основных положений Каирской декларации (декабрь 1943 г.), в соответствии с которым в послевоенном политическом устройстве Японии не должно было остаться места для императорской власти. Дело в том, что её сохранение было одним из условий прекращения сопротивления, выдвинутым японским руководством. Согласие американцев на это условие было доведено до сведения японской стороны 10 августа 1945 г., т.е. на следующий день после начала стратегической операции Красной армии в Маньчжурии, полный успех которой делал СССР одним из главных победителей в войне в АТР со всеми вытекающими из этого последствиями, включая территориальные.

Стремление ограничить роль Советского Союза в послевоенном урегулировании объясняет, почему так быстро были согласованы позиции недавних смертельных врагов и почему Япония официально объявила о своей капитуляции всего через 5 дней, уже 15 августа 1945 г. Согласие американцев сохранить власть императора, которое было необходимо США для установления эффективной и подконтрольной системы управления в послевоенной Японии, вывело одного из главных инициаторов агрессивной политики "за скобки" Токийского процесса. Комментируя послевоенное высказывание императора Хирохито о том, что от него требовали лишь утвердить уже принятые правительством решения, Х. Кимура указывает на "...противоречие, когда император как личность предпринял шаги для окончания войны, но не мог-де воспрепятствовать решению правительства о её начале" (с. 309).

Следует, однако, отдать должное "умеренным", которые во время "холодной войны" стремились избежать участия в затратных военных акциях США по "сдерживанию коммунизма". Именно им принадлежит авторство "большой стратегии" послевоенной Японии, главным элементом которой стало сосредоточение государственных усилий на возрождении разрушенной экономики и последующем её быстром развитии. Прямым следствием реализации указанной стратегии стало то, что сегодня, как выразился М. Парилло, "...по иронии судьбы [*Япония*. – Прим. авт.] достигла тех высот экономической мощи, которых столь страстно желали милитаристы" (с. 193). И в этом, как представляется, заключается один из уроков для тех участников исторического процесса, кто на каком-то его отрезке оказывается среди проигравших.

Выражение "История – это прошлое, спроецированное на сегодня", пожалуй, наиболее отчётливо подтверждается политическими реалиями Азиатско-Тихоокеанского региона, куда перемещается из Европы центр тяжести мировых процессов. "Больные вопросы" столетней давности, на которые в своё время не нашлось адекватных ответов, возникают вновь, и опять – в АТР.

Непреходящая актуальность темы недавней истории является одним из основных (и негативных) факторов современных японо-китайских отношений. Острая реакция КНР на посещение храма Ясукуни³ премьер-министрами Японии от Либерально-демократической партии говорит о том, что раны, нанесённые давно завершившейся войной, ещё не залечены.

К сожалению, проблемы прошлого по-прежнему актуальны и для современных российско-японских отношений, что не способствует их конструктивному развитию на благо обеих стран. Проблему так называемых "северных территорий", постоянно муссируемую японской стороной в переговорах с Россией при каждом удобном и неудобном случае, Н.А. Нарочницкая и В. Н. Павлятенко рассматривают с учётом исторической ретроспективы. Оба автора с международно-правовой точки зрения убедительно демонстрируют необоснованность японских претензий на обладание частью островов Курильской гряды.

В заключение можно добавить, что публикация книги "Партитура Второй мировой. Гроза на Востоке" весьма своевременна. Она имеет не только научное значение, но, вне всяких сомнений, будет способствовать адекватному восприятию российской общественностью недавней истории своей страны.

³ Там, согласно синтоистской традиции, покоятся души не только погибших в разное время воинов, но и 14-и военных преступников, осуждённых на Токийском процессе.